

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ, ИЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ВОПЛОЩЕННАЯ В КАМНЕ... И ДЕРЕВЕ

Паноптикон, или Надзорный дом

Иеремия Бентам

Перевод с английского *Артема Смирнова* по изданию:
Jeremy Bentham. Panopticon, or, The Inspection House//The Works
of Jeremy Bentham. Vol. 4. London: William Tait, 1843. P. 39–47, 78–86.

ПАНОПТИКОН,
или
НАДЗОРНЫЙ ДОМ,
СОДЕРЖАЩИЙ
ИДЕЮ НОВОГО ПРИНЦИПА СТРОИТЕЛЬСТВА,
ПРИМЕНИМУЮ
К ЛЮБОМУ ТИПУ УЧРЕЖДЕНИЯ, В КОТОРОМ ЛЮБЫЕ ОПИСАННЫЕ
ЛИЦА ДОЛЖНЫ НАХОДИТЬСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ,
и, в частности, к
ПЕНИТЕНЦИАРНЫМ ДОМАМ

ТЮРЬМАМ	НОЧЛЕЖНЫМ ДОМАМ	ЛАЗАРЕТАМ
ДОМАМ ТРУДОЛЮБИЯ	МАНУФАКТУРАМ	БОЛЬНИЦАМ
РАБОТНЫМ ДОМАМ	СУМАСШЕДШИМ ДОМАМ	ШКОЛАМ

с
ПЛАНОМ УПРАВЛЕНИЯ
В СООТВЕТСТВИИ С ЭТИМ ПРИНЦИПОМ:
В РЯДЕ ПИСЕМ,
НАПИСАННЫХ В 1787 ГОДУ ИЗ КРИЧЕВА В БЕЛОЙ РУСИ ДРУГУ В АНГЛИИ.

ИЕРЕМИЕЙ БЕНТАМОМ,
ИЗ ЛИНКОЛЬНС-ИННА, ЭСКВАЙРОМ

Предисловие

*Н*равы исправлены — здоровье сохранено — трудолюбие пробуждено — образование распространено — бремя для общества облегчено — хозяйство как будто незыблемо — гордиев узел законов о бедных не разрублен, а распутан — и все благодаря простой архитектурной идее! — Столько я решился сказать, отложив перо, и столько же я, возможно, должен был бы сказать, взяв его в руки, если бы в тот ранний период я видел перед собой весь путь. Новый способ обретения власти разума над разумом в беспрецедентном доселе объеме, причем столь же беспрецедентно защищенный от злоупотреблений теми, кто решит использовать его. Таков двигатель, такова работа, которую можно выполнить с его помощью. Насколько оправдались ожидания, возложенные на него, читатель решит сам.

Письма, составляющие основную часть этого трактата, были написаны в Кричеве в России и оттуда отправлены в Англию в 1787 году, примерно в то же время, что и «Защита ростовщичества». Они были адресованы определенному лицу и касались определенного учреждения, которое тогда задумывалось (сведения о нем попали ко мне через английскую газету), без какого-то определенного расчета на публикацию, тем более скорую. Одна из затронутых в них тем привлекла внимание общественности Ирландии. Канцлер казначейства не так давно упомянул о намерении правительства этой страны опробовать работу пенитенциарной системы, и именно по этой причине письма теперь увидели свет через ирландскую прессу.

Они печатаются в том виде, в каком были изначально написаны, без каких-либо изменений, кроме вычеркивания нескольких несущественных отрывков и добавления послесловия, в котором излагаются новые идеи, ставшие плодом более детального и критического изучения, предпринятого главным образом с учетом конкретного учреждения, о котором говорилось выше, и при помощи профессиональных знаний и советов.

Переходя к описательной части писем, читателю будет полезно помнить, что в них были внесены изменения, о которых говорится в постскриптуме, хотя в данный момент ему не нужно утруждать себя рассмотрением их сути: ведь в любом случае детали будут одинаково хорошо служить для иллюстрации общего принципа и для доказательства преимуществ, которые можно извлечь из него.

В том, что касается пенитенциарной системы, можно заметить, что я обсуждал — с большей свободой, чем, возможно, было бы приемлемо для всех, — различные меры, установленные или предложенные господами, которые работали в том же направлении. Это задача, которой я бы с радостью избежал: но иначе нельзя было бы в полной мере оценить предложенный здесь план и показать его предпочтительность. Среди идей, рассмотренных в таком ключе, я скорее с удовольствием, чем с сожалением, отмечаю несколько, которые я сам предлагал или поддерживал ранее. Я говорю с удовольствием, рассматривая этот случай как доказательство того, что я поступаю по отношению к другим так, как я не только хотел бы, чтобы поступали со мной, но и фактически поступал по отношению к себе сам: это соображение, надеюсь, послужит моим извинением перед уважаемыми господами и поможет им простить меня. Если благодаря свету взаимной критики я смогу исправить какие-либо свои ошибки, которые, возможно, все еще ускользают от меня, то вместо того, чтобы избегать исправления как наказания, оно будет воспринято как награда.

С точки зрения метода и краткости изложения полезно было бы, если бы всё вместе, Письма и послесловие, было пересмотрено заново, а дополнительные материалы сопровождались оригиналом. Но для этого не было достаточно времени; и если изобретение чего-то стоит, то рассказ о нем будет не менее увлекательным или поучительным, поскольку будет представлен с исторической и прогрессивной точки зрения.

Заключительное «Письмо о школах» — это своего рода *jeu d'esprit*, которое едва ли могло бы появиться в столь легкой форме в любое другое время, кроме как в момент задумки и под воздействием прилива сил, которые способны вдохновиться прелестями новизны. Как таковое, оно, возможно, поможет смягчить утомительность сухого обсуждения и в этом смысле получит прощение, если не одобрение, от более серьезного класса читателей.

Письмо I. Идея принципа надзора

Кричев, Белая Русь, 1787 год

Дорогой ****, — на днях я заметил в одной из ваших английских газет объявление об исправительном доме, о котором говорится, что он предназначен для *****. Мне

пришло в голову, что план здания, которое недавно было придумано моим братом¹ для целей, в каком-то отношении схожих, и которое он собирается возвести здесь под названием *Надзорный дом* или *Лаборатория*, может предложить некоторые полезные для вышеупомянутого заведения находки. Я также получил несколько чертежей, которые прилагаю здесь. Я считаю, что план может найти самое широкое применение по причинам, которые скоро станут вам понятны.

Одним словом, я думаю, что он будет применим ко всем без исключения учреждениям, в которых в пределах пространства, не слишком большого для того, чтобы его можно было заполнить или оградить зданиями, под наблюдением должно содержаться некоторое число людей. Неважно, насколько различны или даже противоположны цели, будь то наказание неисправимых, содержание умалишенных, исправление порочных, ограничение свободы подозреваемых, занятие делом праздных, обеспечение беспомощных, лечение больных, обучение желающих какому-либо занятию или воспитание подрастающего поколения на пути образования: словом, независимо от того, будет ли он применяться для целей постоянных тюрем для уже осужденных, тюрем, предназначенных для содержания под стражей до суда, пенитенциарных домов, исправительных домов, работных домов, мануфактур, сумасшедших домов, больниц или школ.

Очевидно, что во всех этих случаях чем с большим постоянством лица, которые должны находиться под надзором, находятся в поле зрения тех, кто должен за ними надзирать, тем полнее будет достигнута цель учреждения. Идеальное совершенство, будь оно целью, потребовало бы, чтобы каждый человек действительно находился в таком положении каждый момент времени. Поскольку это невозможно, следующее, чего следует желать, состоит в том, чтобы в каждый момент времени, имея основания так считать и не имея возможности убедить себя в обратном, он представлял, что находится в таком положении. Этот пункт, как

1. Сэмюэль Бентам (1757–1831) — британский инженер-механик и корабельный инженер. В 1780 году Сэмюэль Бентам переехал в Россию, где поступил на службу к князю Григорию Потемкину, который нанял его в качестве кораблестроителя. Впоследствии Бентам обнаружил значительный талант инженера и изобретателя, спроектировав и построив множество технических устройств (в том числе проект паноптикона, позднее развитый его братом, Иеремией). — *Прим. ред.*

вы сразу поймете, полнее всего обеспечивается планом моего брата; и, я думаю, будет столь же очевидно, что его невозможно достичь при помощи какого-то иного плана, или, правильнее сказать, если его и можно достичь с помощью какого-то иного плана, то только в той мере, в какой этот другой план может приблизиться к настоящему.

Чтобы как можно скорее перейти к сути дела, я рассмотрю его сразу в применении к таким целям, которые, будучи наиболее сложными, послужат примером необычайной силы и разнообразия заранее продуманных мер предосторожности. К ним относятся те, что легли в основу идеи *пенитенциарных домов*, в каковых должны были быть предусмотрены *безопасное содержание, заключение, уединение, принудительный труд и обучение*. Если всех этих целей можно достичь вместе, то, конечно, по крайней мере с такой же уверенностью можно говорить и о возможности достижения любого меньшего их числа.

Письмо II. План пенитенциарного надзорного дома

Прежде чем взглянуть на план, опишем на словах его общую идею.

Здание круглое.

По окружности расположены апартаменты для заключенных. Назовите их, если угодно, *камерами*.

Эти камеры отделены друг от друга, и заключенные таким образом изолированы от всякого общения между собой *перегородками* в форме радиусов, идущих от окружности к центру и простирающихся на столько футов, сколько считается необходимым для того, чтобы образовать камеру наибольшего размера.

Апартамент надзирателя находится в центре; если угодно, можно назвать его *надзирательской* (inspector's lodge).

В большинстве, если не во всех случаях, будет удобно иметь свободное пространство, или *площадь*, по всему периметру между таким центром и такой окружностью. Можно назвать его, если угодно, *промежуточным* или *кольцевым пространством*.

Расстояния, составляющего примерно ширину камеры, может быть достаточно для *перехода* из внешней части здания к надзирательской.

У каждой камеры по внешнему периметру имеется окно, достаточно большое, чтобы не только освещать камеру, но и

сквозь камеру доставлять достаточно света для соответствующей части надзирательской.

Внутренняя окружность камеры образована железной *решеткой*, легкой настолько, что она не заслоняет ни одной части камеры от взгляда надзирателя.

Часть этой решетки, достаточно большая, открывается в виде *двери*, чтобы впустить заключенного при его первом прибытии и чтобы в любое время обеспечить доступ надзирателю или кому-либо из его помощников.

Чтобы лишить заключенных возможности видеть друг друга, перегородки вынесены на несколько футов за пределы решетки в промежуточное пространство. Такие выступающие части я называю *удлиненными перегородками*.

Предполагается, что света, поступающего таким образом сквозь камеры и промежуточное пространство, будет достаточно для надзирательской. Но для этого и окна в камерах, и соответствующие им окна в надзирательской должны быть настолько большими, насколько позволят прочность здания и соображения экономии.

На окнах надзирательской имеются шторы, расположенные так высоко, как только могут видеть глаза заключенных, находящихся в своих камерах.

Чтобы предотвратить *сквозное просвечивание*, благодаря которому, несмотря на шторы, заключенные могут видеть из камер, находится ли кто-либо в надзирательской, это помещение разделено на четыре части *перегородками*, образованными двумя диаметрами окружности, которые пересекаются друг с другом под прямым углом. Для этих перегородок можно использовать самые тонкие материалы; их можно снимать по желанию; по высоте они должны быть такими, чтобы заключенные из своих камер не могли видеть, что находится за ними. Двери в этих перегородках, если их оставить открытыми, могут привести к сквозному просвечиванию. Чтобы предотвратить это, каждую перегородку можно разделить на две части там, где это необходимо, установив одну половину на таком расстоянии от другой, которое будет равно дверному проему.

Эти окна надзирательской открываются в промежуточное пространство в виде *дверей* в таком количестве мест, которое будет сочтено необходимым для того, чтобы надзиратель мог легко общаться с любой из камер.

Небольшие *лампы*, расположенные снаружи каждого окна надзирательской и снабженные отражателем, позво-

ляющим свету попадать в соответствующие камеры, продлевали бы безопасность дня до вечера.

Чтобы не перенапрягать голос и не давать заключенным узнать, что надзиратель занят другим заключенным в отделении, от каждой камеры через все пространство и до соответствующего окна надзирательской можно протянуть небольшую *жестяную трубку*. С помощью этого приспособления самый тихий шепот одного может быть услышан другим, особенно если приложить к трубке ухо.

Что касается *обучения*, то в случаях, когда его невозможно обеспечить должным образом без того, чтобы учитель не находился рядом с производимой работой или не показывал пример обучающемуся, учитель должен, как и в других местах, менять свое местоположение так часто, как это необходимо для посещения разных работников, — если только он не станет вызывать работников к себе, что в некоторых случаях использования такого строения (например, в случае с заключенными преступниками) может оказаться не самой хорошей идеей. Но во всех случаях, когда достаточно устных указаний на расстоянии, эти трубки будут полезны. С одной стороны, они избавят учителя от необходимости напрягать голос, чтобы передавать указания работникам, не покидая своего центрального места в надзирательской, а с другой — от путаницы, которая могла бы возникнуть, если бы разные учителя или люди в надзирательской одновременно обращались к камерам. А в случае с больницами тишина, которую способно обеспечить это маленькое приспособление — на первый взгляд пустяковое, — дает дополнительное преимущество.

На колокольне, венчающей здание, установлен *колокол*, предназначенный исключительно для целей предупреждения и сообщающийся веревкой с надзирательской.

Самым экономичным и, пожалуй, самым удобным способом обогрева камер и помещения были бы дымоходы вокруг них, по принципу тех, что используются в домах с горячей водой. Полное отсутствие всяких средств для получения искусственного тепла могло бы при такой погоде, какая иногда бывает в Англии, оказаться смертельным для жизни заключенных; во всяком случае, часто это было бы совершенно несовместимо с их сидячей работой. Однако дымоходы и относящиеся к ним очаги должны находиться не снаружи, как в оранжереях, а внутри. Таким образом, будет меньше потерь тепла, а поток воздуха, который будет устремляться со всех сторон через камеры, чтобы обеспечить тягу, созда-

ваемую огнем, будет отвечать цели вентиляции. Но подробнее об этом будет говориться в разделе о больницах.

Письмо III. Измерения одного строения

Итак, перейдем к отличительным особенностям принципа постройки. Теперь, возможно, вам будет интересно узнать, насколько осуществимо строительство здания на основе этого принципа в соответствии с различными целями, к которым он может применяться. Говорить об этом с уверенностью могут только профессиональные архитекторы. Тем не менее позвольте мне сказать несколько слов.

Что касается *камер*, то они, конечно, должны быть более или менее просторными в зависимости от работы, которую предполагается в них выполнять.

Что касается *всего здания*: если оно будет слишком маленьким, то окружность не будет достаточно большой, чтобы обеспечить необходимое количество камер; если же оно будет слишком большим, то расстояние от внешних окон будет слишком большим, и в надзирательской не будет достаточно света.

Что касается конкретного проекта моего брата, то размеры здания определены с учетом наиболее подходящего бруса (в его ситуации это самый дешевый материал) и других местных соображений. Оно должно быть двухэтажным, а диаметр всего здания должен составлять 100 футов.

Только для того, чтобы можно было составить лучшее представление, я возьму этот размер для примера такого здания, которое он предложил бы для Англии.

Если принять диаметр за 100 футов, то получится 48 камер, каждая шириной 6 футов снаружи, включая стены; с *проходом* сквозь здание в 8 или 9 футов.

Я начну с двух этажей камер.

В *нижнем* этаже толщина стен $2\frac{1}{2}$ фута.

Отсюда чистая глубина каждой камеры от окна до решетки — 13 футов.

Отсюда до концов перегородок еще 3 фута; это дает длину *удлиненных перегородок*.

Ширина *промежуточного пространства* — 14 футов.

Итого от внешней стороны здания до *надзирательской* — $32\frac{1}{2}$ фута.

Умножив на два, получим 65 футов, то есть *диаметр надзирательской* составит 35 футов, включая толщину ее стен.

На *верхнем* этаже глубина камер составляет всего 9 футов; разницу между этой глубиной и 13 футами, каковые являются глубиной камер на нижнем этаже, составляет *галерея*, проходящая вокруг удлиненных перегородок.

Эта галерея занимает на верхнем этаже место промежуточного пространства и с помощью *лестниц*, о которых я расскажу позже, соединяет верхний этаж камер, к которому она прикреплена, и нижний этаж камер, а также промежуточное пространство и надзирательскую.

Точка, наиболее удаленная от места, откуда поступает свет, — я имею в виду *центральную* точку здания и надзирательской, — будет удалена от этого места не более чем на 50 футов; расстояние не большее, я полагаю, чем то, которое часто можно увидеть в церквях, даже в тех, которые не так хорошо оснащены *окнами* в каждой части внешней стены, как в этом здании. При этом окна надзирателя будут находиться не более чем в 32½ фута от открытого света.

Я полагаю, что по многим причинам и в большинстве случаев удобно будет сделать так, чтобы *один этаж надзирательской* обслуживал *два этажа камер*; особенно в ситуации, когда земля ценится высоко, количество людей, за которыми нужно надзирать, велико, помещение, необходимое для каждого человека, не очень значительно, а бережливость и необходимость важнее внешнего вида.

Для этого уровень *пола первого этажа надзирательской* примерно на 4½ фута выше уровня пола первого этажа камер. Таким образом, взгляд надзирателя, когда он стоит, будет находиться на уровне или немного выше уровня пола вышеупомянутого верхнего этажа камер; во всяком случае, он будет видеть и этот этаж, и первый этаж камер без труда и без изменения позы.

Что касается *промежуточного пространства*, то его пол находится на одном уровне не с *полом надзирательской*, а с *полом нижнего этажа камер*. Но на *верхнем этаже камер* его место, как я уже упоминал, занимает вышеупомянутая *галерея*, так что высота этого пространства от пола до потолка равна высоте обоих этажей камер вместе взятых.

Пол надзирательской не находится на одном уровне ни с одним из этажей камер, но между ними, он должен быть снабжен через удобные промежутки *лестничными пролетами*, ведущими *вниз* на первый этаж камер через промежуточное пространство и *вверх* на второй этаж камер

через галерею. Соединенные между собой, эти лестничные пролеты позволяют обслуге дома подниматься на верхний этаж камер, не проходя через помещение надзирателя.

Что касается *высоты* всего здания и его отдельных частей, то предполагается, что 18 футов могут быть использованы для *двух этажей камер*, которые, как указано выше, будут проверяться *одним этажом надзирательской*. Это позволит разместить 96 человек.

36 футов для четырех этажей *камер* и двух этажей надзирательской: это вместит 192 человека.

54 фута для шести этажей камер и трех этажей надзирательской: это вместит 288 человек.

И 54 фута, как предполагается, не будет чрезмерной высотой.

Чертежи, которые, я полагаю, будут сопровождать этот план, предполагают *четыре* этажа камер.

В разделе, посвященном больницам, вы найдете причины, по которым я считаю, что для камер может быть достаточной высота, даже меньшая 9 футов, за вычетом толщины пола, поддерживаемого арками.

Высота прохода может равняться высоте одного или двух этажей камер в зависимости от того, сколько их будет в здании — два или четыре. Часть над проходом в любом случае может быть присоединена к надзирательской, которая таким образом будет сообщаться с каждого конца с миром без помощи дверей и оградит зрителя от опасности оказаться самому одним из своих заключенных.

Если будут основания полагать, что в надзирательской не будет достаточно света для удобства занимающего ее человека, то данный недостаток можно восполнить за счет пустого пространства, оставленного в этой части по всей длине. Можно назвать ее, если угодно, центральным пространством. В это пространство при необходимости могут открываться окна из помещений надзирательской. Сверху его можно оставить открытым или закрыть окном *верхнего света*. Но этот прием, хотя он и может в некоторых отношениях сделать надзирательскую более удобной, неизбежно приведет к значительному увеличению размеров и стоимости здания.

С другой стороны, это будет полезно для вентиляции. Здесь также было бы подходящее место для *часовни*: заключенные останутся в своих камерах, а окна надзирательской, которая почти целиком и состоит из окон, будут открыты. Преимущества, получаемые от этого с точки зрения освеще-

ния и вентиляции, зависят от того, что она будет оставаться свободной и ее никогда нельзя будет использовать для каких-либо мирских целей. Поэтому ее можно выделить для богослужения и регулярно освящать. *Кафедра* и *навес кафедры* могут быть перемещаемыми. Во время службы окно верхнего света, которое все остальное время остается открытым, может быть закрыто.

Письмо IV. Принцип, расширенный на некрытые пространства

В двух моих последних письмах я дал вам такое представление, какое я в состоянии был дать словами, об этом новом плане постройки, рассмотренном в его наиболее простой форме. Теперь скажем еще несколько слов о том, какие дальнейшие *расширения* он может допускать.

Если возникнет необходимость в увеличении максимального числа людей, которых можно разместить в одном здании такого рода, в соответствии с целями такого учреждения, конечно, необходимо будет увеличить и сами здания. Предположим, что требуется *две* такие *ротонды*: эти две с помощью *крытой галереи*, построенной по тем же принципам, могут быть объединены в один надзорный дом. И с помощью такой крытой галереи *область надзора* можно расширить настолько, насколько это необходимо.

Если число ротонд увеличить до *четырех*, то таким образом можно было бы охватить некрытое пространство и, благодаря крытым галереям, управлять таким образом со всех сторон, а не только с одной.

Охваченное таким образом пространство может быть либо круглым, как здания, либо квадратным, либо продолговатым в зависимости от того, какая форма будет лучше соответствовать преобладающим представлениям о красоте или местном удобстве. Цепочка любой длины, состоящая из надзорных домов, предназначенных для одних и тех же или для разных задач, может быть таким образом протянута по территории любой протяженности.

При таком плане один надзиратель мог бы обслуживать две или более ротонды либо, если бы в каждой находилось по одному надзирателю, то, если можно так выразиться, *надзорная сила* в таком сложном здании была бы больше, чем в любом отдельно взятом, из которых оно состоит, поскольку

ку каждого надзирателя время от времени мог бы подменять другой.

В некрытом пространстве, попадающем в область надзора, можно было бы заниматься работой на открытом воздухе или любой другой работой, требующей большего крытого пространства, чем позволяет общая форма постройки. Также можно было бы возделывать огород для пользы всего общества, за которым ухаживали бы те его члены, для которых такая возможность пребывания на свежем воздухе и занятия себя таким делом стала бы приятным развлечением.

Многие авторы весьма основательно и убедительно рассуждали о непопулярности и нежелательности такого не делающего различий наказания, которое смешивает участь тех, кто *может* оказаться невиновным, с участью тех, чья вина *уже* доказана, ставя их в одинаковое положение и одинаково обращаясь с ними. Под одной крышей, как было сказано, не должны содержаться люди, находящиеся в столь несхожих ситуациях. При помощи нескольких надзорных домов такое различие может быть учтено без какого-либо ослабления той бдительности в отношении безопасного содержания, которая одинаково необходима в обоих случаях.

Письмо V. Существенные положения плана

Полезно понимать, что из всего описанного в деталях является существенным для плана, а что — нет. Сущность его состоит, таким образом, в *центральной* *положении* надзирателя в сочетании с хорошо известными и наиболее действенными приспособлениями, позволяющими *видеть*, *оставаясь невидимым*. Что касается *общей формы* здания, то наиболее удобной для большинства целей представляется круглая: но это не является существенным обстоятельством. Но из всех фигур только эта, как вы заметите, обеспечивает идеальный обзор, одинаково хороший для неопределенного числа помещений одинаковых размеров; обеспечивает место, откуда, никуда не переходя, можно осматривать в такой же полноте всех или, если не оборачиваться, половину; внутри заданной границы содержит наибольшее пространство; размещает центр как можно ближе к свету; позволяет сделать камеры наиболее широкими в той части, где для работы может потребоваться больше всего света; сокращает до максимально возможной краткости путь, проходи-

мый надзирателем при переходе от одной области надзора к другой.

Заметьте: то, что лица, которые должны находиться под надзором, должны всегда чувствовать себя так, словно они под ним находятся, — по крайней мере, с высокой степенью вероятности предполагать, что это действительно происходит, — хотя и является, пожалуй, самым важным моментом, но его ни в коем случае нельзя назвать *единственным*. Если бы это было так, то тем же преимуществом могло бы обладать здание практически любой формы. Также важно, чтобы в течение как можно большего времени человек действительно *находился* под наблюдением. Во *всех* случаях важно, чтобы надзиратель знал, что наказание действительно оказывает то действие, которое оно должно оказывать: и это особенно важно в тех случаях, когда надзиратель, помимо того что следит за соблюдением предписанных постоянных правил, относительно часто отдает такие частные и конкретные по времени указания, которые должны отдаваться и исполняться, по крайней мере, в начале работ. И я думаю, не нужно приводить много доводов в подтверждение того, что надзор, как и любое другое дело, тем совершеннее, чем меньше сложностей создает его исполнение.

Более того, чем выше вероятность того, что за данным человеком в определенное время действительно наблюдают, тем сильнее будет убеждение — *острее*, если можно так выразиться, *чувство*, — что за ним наблюдают. Какими бы ограниченными ни были возможности расчета у большего числа людей, находящихся в таком положении, едва ли даже самый грубый ум при таких обстоятельствах сможет избежать некоторых приблизительных расчетов. Эксперимент, при котором сначала отваживаются на незначительные нарушения, а затем, соразмерно успеху, на все более значительные, обязательно научит их разнице между слабым и строгим надзором.

По этим причинам я считаю все менее и менее подходящей всякую форму, которая отклоняется — в той степени, в которой она отклоняется, — от *круглой*.

Очень важно, чтобы в надзирательской было выделено пространство, достаточное для полного и постоянного проживания главного надзирателя или главного смотрителя и его семьи. Чем многочисленнее семья, тем лучше; поскольку тем самым надзирателей будет столько, сколько человек в семье, хотя платить за это нужно будет только

одному. Ни приказы самого надзирателя, ни какая-либо заинтересованность в регулярном исполнении им своего долга, которая может у них присутствовать или отсутствовать, не нужны, чтобы у них обнаружились отвечающие этой цели мотивы. Будучи зачастую отрезанными в силу своего положения от всех остальных предметов, они естественным и в некотором смысле неизбежным образом, всякий раз отвлекаясь от своих обычных занятий, будут направлять свой взор в сторону, соответствующую этой цели. В их случае это заменит большой и постоянный источник развлечения для малоподвижных и праздных людей в городах — взгляд в окно. Картина, пусть и ограниченная, будет очень разнообразной, а потому, возможно, не слишком скучной.

Письмо VI. Достоинства плана

Мне было бы лестно думать, что теперь мало кто может сомневаться в том, что этот план обладает основополагающими достоинствами, которые я ему приписываю: я имею в виду *кажущуюся вездесущность* надзирателя (если богословы позволят мне так выразиться) в сочетании с чрезвычайной легкостью его *реального присутствия*.

Дополнительное достоинство, которым он обладает, — причем с точки зрения экономности очень существенное, — состоит в необходимом *числе* надзирателей. Если бы этот план требовал больше надзирателей, чем другие, то это дополнительное число могло бы стать возражением, причем, если бы разница была достаточно значительной, — решающим: это далеко не так, поскольку один человек может надзирать за большим числом людей, чем когда-либо проживало в одном здании; сложность надзора при этом снижается, а строгость его соответствующим образом возрастает.

Еще одно очень важное достоинство, для каких бы целей ни применялся план, особенно если он применяется в самых суровых и принудительных целях, заключается в том, что *младшие* смотрители или надзиратели, обслуга и подчиненные всех рангов будут находиться под таким же неоспоримым контролем по отношению к *главному* смотрителю или надзирателю, как и заключенные или другие лица, которыми надлежит управлять, по отношению к *ним*. При обычных планах какие средства, какие возможности есть у заключенного, чтобы воззвать к человечности начальника

и исправить пренебрежительное отношение или притеснения со стороны подчиненных в этой жесткой сфере, кроме тех *немногочисленных* возможностей, что в переполненной тюрьме *может* предоставить самый добросовестный смотритель, — но ничего из того, что многие зрители *считают* нужным им дать? Как изменилась бы их участь при таком плане!

Его подчиненные не могут ни исполнять свои обязанности, ни отступать от их исполнения без того, чтобы ему не были бы известны время, степень и способ этого. Это дает ответ, причем удовлетворительный, на один из самых загадочных политических вопросов: *quis custodiet ipsos custodes?* И, поскольку исполнение и его, и их обязанностей станет гораздо более простым делом, чем когда-либо прежде, то и любое отступление от них может и должно будет наказываться с большей строгостью. Это обстоятельство делает влияние этого плана не менее полезным для того, что называют *свободой*, чем для необходимого принуждения; не менее мощным для сдерживания власти подчиненных, чем для пресечения правонарушений; не меньшим щитом для невиновных, чем бичом для виновных.

Еще одним достоинством, отвечающим тем же целям, является огромный груз неприятностей и неприязни, который он снимает с плеч тех редких надзирателей высшего порядка, таких как *судьи* и другие *магистраты*, которые, призванные к этой обременительной задаче из высших слоев общества, не могут не испытывать соответствующей неприязни к ее выполнению. Подумайте, как обстоит дело с ними при нынешних планах и как оно обстоит бы даже при лучших планах из тех, что до сих пор были предложены! Камеры или апартаменты, как бы они ни были построены, если их девятьсот (сколько их должно быть в соответствии с планом пенитенциарного дома), нужно открывать для посетителей одну за другой. Чтобы выполнить свою задачу, они должны приблизиться к каждому обитателю и практически соприкоснуться с ним; положение этих обитателей отслеживается лишь с помощью нестрогих методов надзора, практикуемых в настоящее время, и потому требует более тщательного и хлопотного исследования со стороны этих редких высокопоставленных надзирателей. Благодаря этому новому плану неприязнь полностью устраняется, а посещение такого помещения, как надзирательская, создает не больше сложностей, чем посещение любого другого места.

Будь он устроен по этому плану, г-н Акерман за четверть часа мог бы проинспектировать весь *Ньюгейт*.

Среди других причин этого нежелания ни одна в настоящее время не является столь сильной, ни одна, к несчастью, не является столь обоснованной, ни одна не дает столь естественного оправдания или столь сильного довода против принятия любых оправданий, как опасность *инфекции* — обстоятельство, которое несет смерть в одной из ее самых грандиозных форм, от места вины к месту правосудия, затягивая в одну общую катастрофу нарушителя и блюстителя закона. Но как может возникнуть или продолжаться инфекция в месте, где все устроено таким образом и где обеспечивается такая дисциплина? Какой частный дом бедняков или даже самых богатых может быть столь же защищен от любой подобной опасности?

Благодаря этому плану неприятность задачи верховного надзора уменьшается пропорционально возрастанию его действенности. Во всех других случаях, каким бы неожиданным ни был визит суперинтенданта и какими бы быстрыми ни были его перемещения, всегда будет время для приготовлений, скрывающих действительное положение вещей. Из девятисот камер он может посетить только одну за раз, а в это время худшие из остальных можно поправить, запугать их обитателей и научить их, как принимать суперинтенданта. При настоящем же плане с приходом суперинтенданта его взору сразу открывается вся картина.

Упомянув инспекторов и суперинтендантов, которые занимаются этим в силу своих должностей, я не должен обойти вниманием саму систему инспектирования, которая, хотя о ней мало говорилось, не станет менее полезной и действенной: я имею в виду участие, которое отдельные люди могут быть склонны принимать в этом деле, возможно, не имея такого намерения или даже не задумываясь о каких-либо других последствиях своих визитов, помимо удовлетворения собственного любопытства. Тем, чем является семья надзирателя или смотрителя по отношению к *нему*, тем же — и даже бóльшим — будут эти спонтанные посетители по отношению к суперинтенданту: помощниками, заместителями, если он заслуживает доверия, или же свидетелями и судьями, если он совершит что-то, из-за чего утратит доверие. Как только они окажутся здесь, то, по каким именно мотивам они попали сюда, не будет иметь совершенно никакого значения: облегчение ли их тревог, вызванное волнующей перспективой увидеть своих друзей и родственни-

ков, содержащихся в заключении, или просто удовлетворение общего любопытства, которое естественным образом должно вызывать учреждение, по разным причинам столь интересное для человеческих чувств.

Я считаю само собой разумеющимся, что, если принять необходимые меры для предотвращения нарушений и беспорядков, двери этих заведений должны быть, в отсутствие особых причин этого не делать, открыты широкой любопытствующей публике — этому великому открытому комитету суда всего мира — так же, как и двери всех общественных заведений. И были ли у кого-то возражения против такой публичности, где она возможна и полезна, кроме тех, чьи мотивы для возражений служат самыми вескими доводами в пользу нее?

Письмо VII. Пенитенциарные дома — безопасное содержание под стражей

Изложив этот план, я позволю себе высказать несколько отдельных соображений, применимых к различным целям, для которых он, по-видимому, может подойти.

Пенитенциарный дом, в частности, является (к сожалению, я должен поправить себя и сказать: должен быть) тем, чем может и по крайней мере в какой-то степени должна быть каждая тюрьма, задуманная одновременно как место *безопасного содержания под стражей* и место *труда*. Каждое такое место обязательно должно быть, независимо от того, задумано оно таким образом или нет, *больницей* — местом, где болезнь будет хотя бы обнаружена, независимо от того, будут ли или нет приняты меры для ее облегчения. Я рассмотрю настоящий план в его приложении к этим трем различным целям.

В отношении *побегов*, в особенности со стороны преступников любого рода, как до, так и после осуждения, лиц, отчаянное положение которых должно делать такие попытки побега особенно опасными, мой план обеспечит, — как, осмелюсь сказать, вы уже видите, — степень безопасности, которая до сих пор едва ли была достигнута в замысле, не говоря уже о практическом исполнении. Чтобы перебороть охрану, необходимо объединение рук и согласие умов. Но какое объединение или какое согласие может быть между людьми, ни один из которых с момента своего появле-

ния в доме не видел другого? Чтобы разрушить стены и разогнуть железные прутья, обычно нужны согласованные действия на протяжении длительного времени и без перерыва. Но кому придет в голову начинать работу, требующую многих часов и дней, в отсутствие малейшей перспективы сделать хотя бы первое движение к ней, которое осталось бы незамеченным? Такие попытки редко предпринимались без помощи орудий, приносимых сообщниками извне. Но кто станет подвергать себя даже малейшему наказанию или мучительному разочарованию, не имея никаких шансов не быть обнаруженным? Кому придет в голову пронести, минуя зрителя, маленький напильник или склянку с *aqua fortis* лицу, не готовому принять такие вещи или не способному ими воспользоваться? При всех планах, осуществлявшихся до сих пор, самые толстые стены иногда оказывались бесполезными: в соответствии с настоящим планом достаточно будет самых тонких — обстоятельство, которое должно разительным образом сказаться на сокращении расходов.

В этом, как и в любом другом приложении плана, вы обнаружите его мягкость, не менее заметную, чем его принудительность; она такова, что если бы вас спросили, у кого больше причин желать его принятия, то вы бы оказались в некоторой растерянности, выбирая между самими преступниками и теми, во имя кого они подвергаются наказанию.

С этой точки зрения, я уверен, вы не можете не заметить эффект, который он произведет, сделав ненужным этот неисчерпаемый запас несоразмерной, слишком часто ненужной и всегда непопулярной суровости, не говоря уже о пытках, — то есть об использовании *оков*. Когда у заключенного, помещенного в одну из этих камер, каждое движение конечностей и каждый мускул лица оказываются на виду, какой может быть предлог для того, чтобы подвергать этому испытанию самого буйного преступника? Получив полную свободу в отведенном ему пространстве, каким еще способом он может выплеснуть свою ярость, если не биться головой о стены? И кто, кроме него самого, пострадает от такой глупости? Крик, единственный проступок, которым человек, занимающийся этим, мог бы создать неудобство (проступок, кстати, против которого сами оковы не дают никакой защиты), можно было бы, если бы другие меры не действовали, усмирить *кляпом* — самым естественным и действенным способом профилактики, а также наказания, перспективы которого, вероятно, навсегда было бы достаточно, чтобы

сделать его применение ненужным. Наказание, даже в его самых отвратительных формах, теряет свой ненавистный характер, когда лишается той *неопределенности*, без которой самый отчаянный преступник не стал бы подвергать себя его ударам. Если нужен пример, подумайте, какие средства, которыми располагает вызывающий такое почтение закон Англии — и это в одной из его самых почтенных ветвей, — воздействуют не на преступников, а на класс судей? Какие, кроме смерти? И это не обычная смерть, а медленная, в результате продолжительных пыток. И все же, каких бы других упреков ни заслуживал закон, в каком случае он когда-либо вызывал подобные упреки в жестокости?

<...>

Приложение. Часть I,

содержащая дополнительные подробности и изменения относительно первоначально предложенного плана строительства, в основном приспособленные для целей пенитенциарного дома-паноптикона.

Раздел VII. Часовня. Представление часовни²

Необходимость часовни в пенитенциарном доме — вопрос скорее само собой разумеющийся, нежели требующий обсуждения. При всякой установленной церкви система покаяния в отсутствие регулярного благочестия была бы откровенным солецизмом. Если религиозные наставления и отправления не являются необходимыми для худших и, как правило, самых невежественных грешников, то для кого еще они могут быть излишними?

Где же они должны получить это наставление? Нет лучшего места, чем то, в котором они находятся. Там они пребывают в состоянии постоянной безопасности; и там это не требует каких-либо дополнительных затрат. Остается только поставить капеллана; а где капеллан, там и часовня. Говорящего невозможно отчетливо слышать всего в несколь-

2. Часовня, не являющаяся неотъемлемой частью плана, достаточно понятна из чертежа без каких-либо особых пояснений. Подробными описаниями в этой части я обязан моему профессиональному консультанту, г-ну Ревели, с Грейт-Тичфилд-стрит, Марлибон, чьи прекрасные и правильные рисунки видов Леванта вызывают такое восхищение у любителей греческих и египетских древностей.

ких футах, если стоять позади от того места, с которого он говорит³. Прихожане располагаются по кругу, поэтому место капеллана должно быть не в центре этого круга, а как можно ближе к той части, которая находится позади него, и, следовательно, на наибольшем расстоянии от той части, к которой он обращен лицом.

Но между центром смотровой башни по всему периметру и промежуточным колодцем должно быть, как бы оно ни использовалось, очень значительное пространство. Что же делать с ним? Его нельзя использовать в качестве склада в силу святости его назначения; да и независимо от этого соображения, если его заполнить таким образом, это помешает обзору и слышимости. Даже если исключить богослужение, только та часть, что находится ближе к центру, может быть использована для хранения, не мешая обзору так сильно, как это мешало бы службе; и даже эту часть нельзя использовать, не ограничив соответствующим образом пространство для надзирателя и не удлинив его обход. Что же нам делать с этой пустотой? Заполнить ее публикой, если публику удастся убедить прийти. Почему бы нет — так же, как и в Бедлам, Магдаленский госпиталь и госпиталь Лок в Лондоне? Сцена была бы более живописной, а повод — не менее интересным и волнующим. Перспектива пожертвований, которые могут быть собраны здесь и там, обяжет управляющего соблюдать все правила, которые могут способствовать поддержанию заведения в состоянии образцовой опрятности и чистоты, а прибыль от них окупит его расходы и хлопоты. Здание, мебель, одежда, люди — все должно содержаться в чистоте, как в голландском доме. Малейшее зловоние будет губительным для этой части его предприятия. Чтобы обеспечить успех, необходимо пересилить предрассудки; но опыт — постоянный и непрерывный опыт — преодолевает даже предрассудки.

Обилие посетителей, обеспечивая чистоту и сопутствующие ей здоровье и порядок, поддерживало бы систему безвозмездных проверок, которые сами по себе способны побудить зрителя к хорошему поведению, даже если бы ему за это не платили: противоположные импульсы надежды и страха, таким образом, способствовали бы достижению совершенства в управлении и обеспечивали бы полное исполнение управляющим своих обязанностей. Добавьте

3. Я выяснил это путем экспериментов, которые проводил с этой целью в церквях. См. также «Трактат о театрах» Джорджа Сондерса.

к этому пользу примера и комментариев, исходящих из уст ученых и представителей церкви: эти семена добродетели, вместо того чтобы быть похороненными в безвестности, как в случае с другими усовершенствованными тюрьмами, получают таким образом широкое распространение.

Какую бы выгоду ни извлек подрядчик из этой части плана, если ее вообще удастся получить, почему это должно вызывать недовольство им? И почему это заведение должно вызывать большее возмущение, чем любое из тех, что были только что упомянуты? Польза от хорошего управления и защиты от злоупотреблений важнее денежной выгоды.

Если мебель и убранство часовни потребуют определенных затрат, хотя оформления потребуется совсем немного, то экономия, с другой стороны, вытекает из той степени открытости, которую предполагает и делает необходимой такое место. В соответствии с первоначальным планом весь контур центральной части, предназначенной тогда исключительно для надзора, должен был быть остеклен: согласно нынешнему плану, который делает эту часть открытой в разных местах по крайней мере на половину ее высоты, этот дорогой материал, соответственно, экономится.

При нынешнем плане, как можно заметить, священник виден все время только трем этажам камер, а именно второму, третьему и пятому⁴. Чтобы обитатели камер других этажей могли видеть его, необходимо, чтобы их переводили на время службы в те камеры, из которых можно видеть службу, или помещали их рядом с ними. Это можно осуществить, причем с большой легкостью, даже если число заключенных во всем учреждении удвоится.

Две стороны, состоящие из постоянных обитателей каждой камеры и чужаков, переведенных из отдаленных камер, могут быть размещены либо в один непрерывный ряд перед галереями камер, либо одна сторона будет стоять перед решеткой, а другая — за ней. Ни в том, ни в другом случае закон об изоляции от общества не должен быть нарушен разговором: обе стороны одинаково принуждаются к молчанию невидимым оком, невидимым не только для заключенных впереди, но и для публики позади: не только лицо

4. На некоторых оттисках рисунка не представлена кафедра священника и, следовательно, обзор или ограничение обзора из-за нее, но их легко можно представить.

каждого надзирателя, но и само его местоположение совершенно скрыто отовсюду в часовне⁵.

5. Все это может быть очень хорошо, скажет разумный друг, в качестве примера, но как это влияет на перевоспитание? Не окажет ли это в итоге развращающее воздействие на людей, выставляемых таким образом напоказ, — вызывая у них поначалу чувство стыда и огорчения, но постепенно ожесточая их и в конце концов делая их черствыми? Не будет ли это, в общем, своего рода вечным позорным столбом?

на это я отвечаю:

1. Что из этих двух вещей, примера и перевоспитания, пример — самая важная цель, и тем она важнее, чем число еще невиновных больше числа уже осужденных, то есть виновных.

2. Что преступления, за которые люди подвергаются такому наказанию, считаются более серьезными и требуют более сурового наказания, чем даже те, за которые приговаривают к позорному столбу.

3. Что на судах, которые проводились над ними, каждый из них уже был выставлен на всеобщее обозрение подобным же образом и в обстоятельствах, отражающих гораздо большую степень унижения и стыда: разница лишь в том, что в этом случае каждый человек выставляется отдельно, и взгляды всей публики прикованы только к нему одному; что он должен не только говорить, но и слушать, и по сути выступает единственным героем меланхолической драмы; тогда как на представлении, подобном тому, что предлагается здесь, внимание зрителей, будучи разделенным между столь многими, едва ли будет приковано к кому-то одному. Кроме того, на суде человек предстает перед зрителями со свежими следами вины на нем; в то время как в отдаленный период, о котором идет речь, он появится перед публикой, когда уже будет достигнут более или менее значительный прогресс на пути покаяния, а идею вины заменит идея искупления.

Если эти ответы все еще не кажутся убедительными, можно найти простое решение. Им может служить маска. Таким образом вина будет осуждаться абстрактно, без разоблачения виновного. Что касается страдающего, то уколы стыда будут смягчены, а что касается зрителей, то спасительное впечатление не только не ослабнет, но даже усилится благодаря этой образности. Сцена служения будет украшена — к чему избегать этого слова? — маскарадом. Это действительно маскарад, но какого рода? Не веселый и опасный, а серьезный, волнующий и поучительный. В испанском *auto-da-fé* еще больше от театра: и в чем здесь возражение? Что это зрелище легковесно или смехотворно? Нет: скорее оно слишком серьезно и ужасно.

Следует отметить, что это единственный случай, когда их глазам придется столкнуться с общественным вниманием. Во все остальное время, будь их посетители сколь угодно многочисленны, они не будут сознавать, что их видят, следовательно, не будет и оснований для бесчувственности, которой можно было бы ожидать от привычки к такому сознанию.

там, где есть терпение разбираться в деталях, самые худшие учреждения способны дать подсказку, которая может оказаться полезной. Я бы не отвернулся от разума и пользы, даже если бы нашел их в Звездной палате или Инквизиции. Авторы последнего учреждения, в частности, какие бы чудовищные преступления и несутражицы ни ставились им в вину, должно быть, по крайней мере сознавали сценический эффект. Какой бы несправедливой ни была их система наказаний в применении и какими бы варварскими они ни были, мастерство, которое они проявили, используя ее, чтобы произвести наибольшее впечатление, их торжественные процессии, их символические наряды, их потрясающие декорации заслуживают скорее восхищения и подражания, чем осуждения.

Раздел VIII. Смотровые галереи и надзирательская

В трех этажах смотровой башни кольцевые смотровые галереи, низкие и узкие, окружающие в самом нижнем этаже круглую надзирательскую; вместо трех этажей надзирательской — круглые и по высоте заполняющие все пространство до самого верха⁶.

При создании постов для надзирателей преследовались две цели: 1) неограниченная способность видеть, не будучи видимым, одинаково хорошо, как перемещаясь вперед и назад, так сидя или стоя на месте; 2) способность принимать в одном и том же месте посетителей, которые должны иметь возможность делать то же самое.

Не следует отказываться от второй из этих целей. Если управляющий или заместитель управляющего не может, будучи занятым своими делами, принимать публику, находясь на этом посту, ему придется — так часто, как часто он будет ее принимать, — покидать не только центральную часть, но и весь круг вообще, оставив свое место в смотровой части кому-то другому. Это ведет, с одной стороны, к ослаблению надзорной силы, а с другой — к увеличению расходов на управление.

Предположим, что можно сохранить невидимость надзирателя, отказавшись от невидимости посетителей. Будет ли первое преимущество достаточным без второго? Не совсем: ведь сообщники, поскольку их не всегда можно распознать, могут зайти в числе нескольких человек, и пока один будет занимать внимание надзирателя, другие могут знаками согласовать действия, которые создадут неприятности,

Nihil ex scenâ, говорит лорд Бэкон, обсуждая процедуру в гражданской ветви права: *Multum ex scenâ*, рискну сказать я, говоря об уголовном. Разногласия носят лишь словесный характер: *Scena* на языке благородного философа означает ложь; у меня же *scena* — это лишь общий вид (*scenery*). Сказать *Multum ex scenâ* значит сказать: «Не упускать случая обратиться к взору». В хорошо подобранном комитете по уголовному праву я не знаю более важной персоны, чем управляющий театром.

6. Этим важным улучшением, на которое я согласился не без сомнений, я обязан изобретательности г-на Ревели. Оно пришло ему в голову, когда он размышлял над устройством часовни в связи с некоторыми моими общими идеями, подробное описание которых заняло бы больше места, чем стоило бы. Полы нынешних смотровых галерей должны были быть продолжены внутрь до того места, которое сейчас составляет пространство часовни. Управляющий и его подчиненные будут использовать их в будние дни, а по воскресеньям эти этажи будут служить галереями в часовню. На всем протяжении от этажа до этажа должны находиться окна, которые тем или иным образом нужно будет убирать на время богослужения.

или проникнуть в камеры заключенных. По крайней мере, такое опасение может возникнуть у некоторых даже при одном допущении такой возможности; хотя тем, кто имеет представление обо всей системе содержания под стражей и защиты, опасность, я думаю, вряд ли покажется достаточно грозной, чтобы оправдать дополнительные затраты или пожертвовать каким-либо преимуществом.

В соответствии с первым грубым замыслом, изложенным в «Письмах», я надеялся, что с помощью ставен и ширм способностью невидимого надзора могли бы в совершенстве пользоваться все люди, оказавшиеся в центральной части, где бы они ни находились, пребывая в движении или в покое. Теперь я убежден — и, боюсь, не без оснований, — что эти ожидания были в некоторых отношениях слишком оптимистичными. Я имею в виду, в отношении идеального и полного совершенства; в то же время в отношении реальной службы то, что эти ожидания не были исполнены, я надеюсь, не приведет к какому-либо существенному ухудшению.

Если бы я упорно продолжал пытаться придать это свойство невидимости по отношению к камерам как личности надзирателя, так и каждой части большого круга, в который я его помещаю, и каждому объекту в нем, перед ним бы возникла, я уверен, такая дилемма: если у него достаточно света, чтобы заниматься каким-либо делом, то, что бы я ни сделал, его будет видно из камер; если же там недостаточно света, чтобы его было видно из камер, там не будет достаточно света, чтобы он мог заниматься своим делом.

Трудность не разрешилась бы, даже если отказаться от части с часовней в центре, а помещение надзирателя расширить таким образом, чтобы поглотить эту центральную часть и занять весь круг. Мой вариант с диаметрально ширмами или перегородками, пересекающими друг друга под прямым углом, не подходит для этой цели⁷: если бы они простирались по всей окружности до центра, не оставляя пустот в этой части, они разделили бы весь круг на отдельные квадранты: человек мог бы одновременно находиться только в одном из этих квадрантов, и, находясь в нем, он не мог бы видеть ни одной из камер, просматривающихся из других. Если бы он находился точно в центре, он мог бы видеть все камеры сразу, но в то же время он сам был бы видим из всех этих камер. Ни одно пространство невозможно закрыть настолько плотно, чтобы исключить свет.

7. См. Письмо II.

Предположим, что проемы, задуманные мною в ширмах вместо дверей, могли бы отвечать этой цели; тогда они дали бы помещению, устроенному таким образом, не больше преимуществ, чем кольцевая галерея в конце круга, как в задумке г-на Ревели. Обход можно выполнять ближе к центру, но для осуществления надзора выполнять обход нужно обязательно. Его также нельзя выполнить точно по кругу: меньший круг, который предполагалось создать, был бы разбит на части и зигзагообразно удлинён в четырех местах, что замедлило бы продвижение человека больше, чем по сопоставимой по длине окружности, и в целом потребовало бы не многим меньше времени, чем нужно для выполнения обхода по смотровым галереям г-на Ревели⁸.

К этому следует добавить, что от темноты, в которой находился пост надзирателя, не было никакого избавления. Нельзя было сделать так, чтобы свеча освещала любой предмет, который ему нужно было увидеть, не отбрасывая лучей, которые делали бы его более или менее видимым, а его положение и то, чем он занимается, — более или менее очевидным из камер. Если бы где-то была установлена ширма, концентрически окружающая комнату, и свет поступал бы с ее стороны через небесный фонарь или пустое пространство над центром здания, то это еще больше увеличило бы длину зигзагообразного пути, который нужно проделать через диаметрально противоположные ширмы: если бы таких концентрических ширм не было, то сквозной свет поступал бы полностью, де-

8. Дело в том, что — и вряд ли об этом кто-то задумывался — для совершения этого обхода достаточно пройти около 46 футов и вернуться обратно по прямой. Находясь у внешней окружности кольца, он может, не сдвигаясь с места, где стоит или сидит, получить обзор семи камер с каждой стороны. В том же кольце можно пройти 46 футов, не отклоняясь от прямой линии: а 46 футов — это длина хорды, вмещающей пространство, занимаемое по окружности 5 камерами. Таким образом, проход по прямой линии, равной хорде, вмещающей часть галереи, где нет камер, обеспечит надзирателю на его галерее общий обзор. Если, как в случае приема женщин-заключенных, обход по этажам будет разделен между надзирателем-мужчиной и надзирателем-женщиной, то часть, выделенная каждому, может, очевидно, быть выполнена без изменения места. Надо признать, что полученный таким образом обзор не является полным: большая или меньшая часть каждой камеры, кроме двух, все время заслонена перегородками. Но только благодаря случайности, а не замыслу заключенный в любой части обхода может выпасть из поля зрения надзирателя: никогда не зная, в какой части галереи в это время находится надзиратель, ни одна часть камеры не дает ему больше шансов на то, чтобы скрыться, чем другая.

следует заметить, что расчеты сделаны по реальному проекту: если бы измерения проводились по гравюре, результат из-за уже упомянутой ошибки был бы еще более благоприятным.

лая надзирателя и любой другой предмет в комнате полностью видимым изо всех камер.

К счастью, этот набор несовместимых условий, каким бы обязательным он ни был для достижения идеального совершенства, в практическом отношении не так уж необходим. В узкой кольцевой галерее, придуманной г-ном Ревели, условие невидимости может быть сохранено, я уверен, в полном совершенстве. Покрасив изнутри в черный цвет, этот пост можно, как я уже предлагал, с помощью ставен сделать совершенно темным, поскольку его узость делает его непроницаемой для сквозного света.

Чтобы изменить угол зрения, надзиратель, правда, должен менять свой пост. Поэтому он должен время от времени совершать патрулирование и обход, как караульный или сторож, и это должно составлять значительную часть его работы⁹. Располагаясь на расстоянии не более 28 или 29 футов от наружных окон и близко к пространству, освещаемому широким небесным фонарем над кольцевым колодцем, он будет иметь достаточно света, чтобы читать или писать: и к этим занятиям с помощью переносного стула и стола он может прибегать в любое время в любой части круга. Вести учет и делать записи можно будет как в круглой, так и в квадратной комнате.

Время, затраченное на обход, не будет потеряно или потрачено только на поддержание порядка среди заключенных. Если бы вместо этого кольца он совершал обход по всему кругу, ему пришлось бы проделывать большой путь только лишь для того, чтобы время от времени отдавать распоряжения и делать указания заключенным, сидящим за работой в своих камерах, а также впускать и выпускать их таким образом, который уже был описан ранее¹⁰.

9. Наибольшее расстояние от одной части его области обхода до другой будет равно 93 футам, что составляет половину длины окружности в этой части.

10. См. Раздел 3, «Кольцевой колодец», и Часть II, «Проветривание». ВАША бдительность, проявляемая от случая к случаю, не поможет, — говорит возражающий: Ваш заключенный будет испытывать ее, поймет, когда Аргус задремлет, и воспользуется этим. Он осмелится совершить ничтожный проступок наудачу: если тот останется незамеченным, он перейдет к более серьезным. Неужели? Я быстро положу конец этим испытаниям: или, скорее, предвосхищая его, я позабочусь о том, чтобы он и не думал их затевать. Я выберу одного из самых упрямых заключенных. Я буду неотступно следить за ним. Я буду следить до тех пор, пока не замечу проступок. Я запишу его. Я подожду другого: я запишу и его. Я буду бездействовать весь день: в этот день он будет делать все, что ему заблагорассудится, лишь бы он не решился на что-то слишком серьезное, чтобы это стерпеть. На следую-

Остается одно средство, с помощью которого невидимость надзирателя может быть сохранена без необходимости когда-либо покидать свое место. Это, однако, связано с двумя ограничениями: одно из них заключается в том, что всякий раз, когда он покидает определенное место в комнате, чтобы перейти в любую другую часть той же комнаты, он должен стать видимым; другое — в том, что такой невидимостью не будет обладать ни один другой человек в комнате. Для этого надзирателя помещают в своеобразный фонарь, по форме напоминающий две воронки с короткими горлышками, соединенные между собой этими горлышками.

Он будет пребывать, как и прежде, на полу, размещенном между полом и потолком нижнего из двух этажей, находящихся в его ведении, а свет будет поступать к нему из места выше уровня глаз человека, стоящего на верхнем из этих этажей; следовательно, во всех случаях выше уровня глаз любого человека, размещенного на этом верхнем этаже. На уровне его собственных глаз, сидит он или стоит, фонарь сужается настолько, что позволяет ему подносить глаза к окружности по всему периметру, не меняя места, где он сидит или стоит.

Чтобы обеспечить ему обзор, в фонаре с обеих сторон проделаны небольшие отверстия, соответствующие, как будет установлено опытным путем, одной, двум или большему числу камер. Эти отверстия не больше, чем у обычной подзорной трубы, и, как и она, закрыты стеклом, которое при необходимости можно окрасить, подкоптить или затемнить при помощи шторы. Допустим, что в итоге они не будут полностью исключать сквозной свет и не помешают его фигуре быть до некоторой степени видимой из камер: все же, однако, часть его фигуры, выдаваемая таким образом, будет настолько мала, что заключенный в камере не в состоянии будет определить, направлен ли взгляд надзирателя в этот момент на него или нет, так что он точно так же мог бы быть невидимым. Несомненно, нужного эффекта можно добиться, уменьшив размер отверстий; ведь фонарь может быть тонким, как бумага: и будь эта его часть бумажной, бу-

щий день я предъявляю ему список: ты думал, что остался незамеченным: ты злоупотребил моей снисходительностью. Видишь, как ты ошибался. В другой раз ты можешь делать это на протяжении двух дней, десяти дней: чем дольше, тем тяжелее будут последствия для тебя. Уясните себе, все вы, что в этом доме проступок никогда не останется незамеченным. Будет ли политика жестокой? Нет, она будет мягкой: она предотвратит совершение проступков; она позволит избежать наказания.

лавочной дырочки было бы достаточно, чтобы дать ему возможность видеть. Любой непрозрачный предмет, который можно спустить с помощью бечевки и шкива, когда он покидает фонарь, не позволит заметить его отсутствие. Разница между телом такой величины, постоянно находящимся в состоянии покоя, и тем, которое иногда движется, будет скрыта из-за малости отверстий.

На высоте между уровнем глаз, когда он сидит, и уровнем глаз, когда он стоит, фонарь должен быть не слишком узким: он должен быть достаточно широким, чтобы в него могли легко войти голова и плечи. Выше и ниже этого уровня чем он будет шире, тем лучше, чтобы обеспечить воздух и пространство, но не настолько, чтобы мешать обзору.

Следующий вопрос — как сделать так, чтобы заключенные не видели, когда он покидает свой пост? Его выход и возвращение, если бы он выходил через боковую дверь, были бы видны из всех или почти всех камер — в таких случаях его фонарь не служит для него ширмой в степени, сколько-нибудь достойной упоминания. Чтобы не быть обнаруженным, он должен выходить не через обычную дверь сбоку, а через люк, по лестнице снизу. Фонарь, однако, может быть снабжен боковой дверью, чтобы он мог использовать ее тогда, когда сокрытие его положения уже не имеет значения, и когда имеется повод показаться с какой-либо целью обитателям какой-либо камеры: например, чтобы впустить заключенного в его камеру или выпустить его из нее с целью и способом, о которых уже шла речь.

Центральное отверстие, каким бы большим оно ни было, не помешает использованию этого приспособления. Фонарь, конечно, не может занимать эту центральную часть: он должен быть расположен где-то по одну из сторон от нее, в какой-то части окружающего кольца. Поэтому надзиратель, находясь в этом фонаре, не будет иметь одинаково хорошего обзора всех камер, но для всех них он будет иметь некоторый обзор и даже, можно взять на себя смелость сказать, достаточный: разница будет только в расстоянии от центра фонаря до центра здания; скажем, от десяти до двенадцати футов. Часть, от которой он был таким образом наиболее удален, могла бы быть частью, где нет камер — на нее, согласно настоящему плану, приходится пять двадцать четвертых всего периметра.

Тем не менее помещение, расположенное таким образом, не очень хорошо подходит для посетителей, поскольку они в любом случае будут видны заключенным, чего, по уже

упомянутым причинам, лучше избегать. Для этого пригодится надзирательская, помещение, расположенное внутри смотровой галереи и окруженное ею со всех сторон. После описания конструкции можно будет увидеть много других ее применений, причем весьма существенных: применений, для которых, очевидно, не подходило бы прозрачное помещение, оборудованное смотровым фонарем.

Надзирательская представляет собой круглое или, скорее, кольцообразное помещение, расположенное непосредственно под часовней. Предлагаемый мною сейчас диаметр составляет 54 фута, включая отверстие в центре¹¹.

Центральное отверстие на этом этаже имеет такой же диаметр, как и у часовни и венчающего ее купола, то есть 12 футов: оно служит здесь для освещения центра диаметального прохода, о котором идет речь в разделе о *сообщениях*. Этот колодец также может использоваться в качестве средства защиты, о чем говорится в разделе о *сообщениях*.

Центральное отверстие в полу надзирательской позволяет свету проникать на расположенный ниже этаж, подобно тому как соответствующее центральное отверстие в часовне позволяет свету проникать в надзирательскую.

Из этих центральных отверстий то, что находится в полу часовни, не отнимает никакого пространства у посетителей. Во время службы в часовне она закрыта: состояние темноты, в которое она таким образом погружает надзирательскую, не имеет никакого значения, поскольку в это время там никого нет. Так же и в холодный зимний вечер, когда дневной свет уступает место свету свечи, возможность закрыть этот проем, вероятно, окажется удобной. Его высота по окружности равна высоте смотровой галереи — около 7 футов; высота около центрального отверстия — около 13½ фута¹²; внутри него — около 61 фута, то есть глубина под фонарем, которым увенчаны центральные проемы. Потолок,

11. На некоторых оттисках чертежа указано 42 фута: разница в 12 футов. Но из них одни шесть футов, как уже упоминалось, пропали из-за ошибки в чертеже, а другие шесть футов — по три фута, добавленных к глубине смотровой галереи на этом этаже, — это добавление, которое я решил убрать, поскольку оно не имеет конкретного применения и из-за него надзирательская сместится так далеко, что снизу средней смотровой галереи нельзя будет видеть верхний этаж камер.

12. Вытяжка не играет большой роли. Чем выше, тем лучше, при условии, что пол часовни не будет поднят настолько, что головы стоящих посетителей часовни будут скрывать священника от заключенных, стоящих на коленях в камерах второго этажа.

следовательно, наклонный; на протяжении 18 футов он опускается примерно на 6½ фута, то есть с 13½ до 7 футов.

По всему периметру, за исключением нежилой части, проходит узкая зона окон, открывающая из надзирательской вид на камеры. Из них два нижних этажа видны сквозь самую нижнюю смотровую галерею, остальные — без каких-либо препятствий.

Обеспечить этот обзор можно несколькими способами. Самый простой — установить два ряда стекол: один для обзора двух нижних этажей камер, немного ниже самой высокой части вертикальной перегородки, другой для четырех оставшихся этажей, в хорде под углом, образованным стыком этой перегородки с потолком. К ним можно приспособить шторы из грубого белого муслина или льна с сделанными в них небольшими отверстиями через каждые пару дюймов. Тем самым, конечно, можно устроить дело таким образом, что в камерах не будет видно ничего из того, что происходит в надзирательской; в то же время человек в надзирательской может, приложив глаз к любому из отверстий, получить совершенно отчетливый обзор соответствующих камер.

С помощью этого центрального отверстия, если ограничиться только им, обеспечивалось бы умеренно хорошее освещение надзирательской¹³.

Чтобы иногда можно было осуществлять надзор из надзирательской, необходимо подняться на высоту около 1½ или 2 футов: это можно сделать с помощью круглой скамьи шириной около 2 футов, прикрепленной по всему периметру к перегородке. Ее можно назвать *смотровым помостом* или *смотровой скамьей*.

Через нижнюю часть этой зоны за надзирателем, закрепленным за этой галереей, из надзирательской может следить его начальство, но сам он его видеть не сможет из-за преимущества в высоте, которым обладает командный пост. Его также можно сменить в любое время; и всякий раз, когда окна галереи открываются для проветривания, надзорные полномочия переходят к надзирательской; при необходимости обзор таким образом может быть улуч-

13. Пантеон в Риме, высота которого более чем вдвое превышает высоту пространства между полом надзирательской и открывающимся световым фонарем над отверстием, освещается — причем, по наблюдениям г-на Ревели, весьма хорошо — отверстием, диаметр которого примерно вдвое больше предлагаемого здесь.

шен. То же происходит, когда надзирателю на галерее нужно оказаться в каком-то определенном месте, например, открыть дверь одной из камер, и он на время утрачивает свою вездесущность¹⁴.

Надзирательская — это сердце, которое дает жизнь этому искусственному телу и приводит его в движение: отсюда исходят все *приказы*, сюда приходят все *отчеты*.

В связи с этим можно вспомнить разговорные трубки, о которых говорилось в Письмах: здесь они найдут разнообразное применение.

Один комплект предназначен для ведения беседы с подчиненными надзирателями в двух верхних галереях. Небольшая трубка из олова или меди¹⁵ проходит от надзирательской в горизонтальном направлении к одной из опор нижней смотровой галереи, проходящей непосредственно под крышей, к которой она прикреплена кольцами. Здесь, изгибаясь под прямым углом, она тянется вверх вдоль опоры, пока не достигнет той из двух верхних галерей, для которой она предназначена: там она заканчивается раструбом на уровне уха или рта сидящего там человека. Аналогичный раструб прикреплен к ней в начале в надзирательской.

Подобная трубка для каждой галереи может быть прикреплена к каждой или каждой второй из 19 опор галереи в соответствии с числом камер.

Трубки, относящиеся к разным этажам, должны соединяться попарно с соответствующими раструбами в надзирательской, чтобы начальник в этом помещении имел возможность вести разговор с подчиненными двух разных галерей одновременно, не испытывая необходимости все время переходить с места на место.

Достаточно ли будет одного только голоса или нужен будет звонок, чтобы вызвать подчиненного надзирателя из самой отдаленной части его галереи на станцию, соот-

14. В Паноптиконе, состоящем из восьми этажей камер, возможно, было бы не лишним провести эксперимент с фонарем. Его можно было бы разместить на этаже между надзирательской и часовой; к нему вела бы полноценная лестница или совсем небольшая, наподобие той, что ведет к кафедре, идущая через потолок надзирательской. Это можно было бы опробовать с небольшими затратами, а в случае неудачи этому этажу легко было бы придать форму другого. Возможно, оба варианта по-разному могут оказаться полезными. Но в паноптиконах, для которых фонарь походит лучше всего, об уединении от общества не может быть и речи, как в случае с работными домами, свободными мануфактурами или школами.

15. Диаметра трубочки для стрельбы горохом, игрушки, используемой детьми, чтобы выдувать горошины, вероятно, будет достаточно.

ветствующую той, которую выбрал начальник в надзирательской, возможно, не удастся точно определить без эксперимента. Если звонок необходим, возможно, его было бы удобно иметь на каждой трубе; и тросик, протянутый внутри трубки, как в оболочке, нельзя будет случайно задеть или повредить¹⁶.

16. Способность металлических трубок передавать малейший шепот на почти неограниченное расстояние не является секретом для тех читателей, которые видели говорящие фигуры, чьи свойства основываются на этом принципе.

многие читатели, возможно, также видели гениальное изобретение мистера Мерлина — таблички с приказами для господ наверху и слуг внизу, указатель, указывающий на табличку в комнате начальника, приводил в движение указатель на точно такой же табличке в комнате подчиненного, по принципу чертежной машины, называемой пантографом. Вышеупомянутые разговорные трубки, возможно, могли бы заменить эти таблички с приказами, и, если это произойдет, с очень большой пользой. Общение с помощью табличек ограничено небольшим числом приказов, которые они могут содержать: оно не взаимно. Аппарат, насколько я помню цену у г-на Мерлина, обойдется, я полагаю, дороже.

для таких целей достаточно будет одной лишь трубки, без звонка, если предположить, что слуга находится в комнате, в которую она выходит, и не отказывается принять приказ; но ничто, кроме звонка, не сможет вызвать его из отдаленной части дома и опровергнуть его заявления, что он не слышал приказа.

трубка, как уже говорилось, может служить оболочкой для звонка: таким образом, можно сэкономить на оболочках, которые в настоящее время используются в некоторых случаях. В местах сгиба трубки, чтобы не нарушалась непрерывность, должны быть расширены. Останется ли голос разборчивым, а также слышимым после стольких сгибаний трубки, которые иногда могут понадобиться и в обычных домах, без эксперимента сказать невозможно. В данном случае имеется только один угол, и даже от него при необходимости можно избавиться.

проводе, которая в силу своей жесткости может перекручиваться и ломаться, можно заменить льном из Нового Южного Уэльса, когда этот восхитительный товар будет поставляться в достаточном для производства количестве.

под различными раструбами, выходящими в помещения для слуг, можно было бы написать названия соответствующих комнат.

для тех, кто не жалеет средств, медь по ряду причин будет предпочтительнее олова. В квартире хозяина позолоченные раструбы станут декоративным дополнением к мебели.

это, конечно, неудобное обстоятельство, которое приводит к большим потерям времени в семьях, когда слуга вынужден подниматься по трем или четырем лестницам, чтобы получить распоряжения, которые должны быть выполнены на кухне, откуда он пришел.

с тех пор как я написал вышеизложенное, я вспомнил, что много лет назад видел трубку, с большой пользой используемую для этой цели в Корнхилле у господ Нэрна и Бланта, изготовителей математических инструментов. Она была протянута от основания лестницы до мастерской в мансарде.

у г-на мерлина я тоже, помнится, слышал об одном случае применения этого принципа в механизме, установленном после моего пребывания там. Раз-

Другой набор разговорных трубок предназначен для того, чтобы надзиратель в надзирательской мог лично беседовать, когда сочтет нужным, с заключенным в любой из камер. Закрепленные трубки, пересекающие кольцевой колодец и простирающиеся на такую большую длину, явно не подходят, поэтому для этой цели можно использовать короткие трубки, которые обычно называют *рупорами*. Надзирателю, находящемуся в надзирательской, заключенный, с которым он может иметь случай побеседовать, не обязательно будет виден в каждой части камеры. Но чтобы он стал виден, необходимо лишь отдать распоряжение, чтобы тот подошел к решетке; это распоряжение может быть передано через местного подчиненного из смотровой галереи, относящейся к данному этажу камер.

Здесь можно наблюдать первое проявление той регулярности часового механизма, которой так легко достичь в столь компактном микрокосмосе. Определенность, быстрота и единообразие — качества, которые здесь могут быть проявлены в наибольшей мере. Действие редко следует за мыслью быстрее, чем исполнение отданного здесь приказа.

Вспомните теперь пенитенциарный город Говарда и представьте десятки надзирателей и тюремщиков, бегающих при каждом случае из одного угла в другой и обратно (чуть меньше $\frac{1}{4}$ мили), чтобы получить какой-нибудь приказ от управляющего, а заключенные все это время остаются предоставленными сами себе.

К тем заключенным, которые занимаются своими изначальными ремеслами, сюда приходят клиенты; в установленное время они приносят материалы и принимают работу, а в большинстве случаев отдают указания. С помощью разговорных трубок разговор с этой, как и с любой другой разрешенной целью, передается мгновенно, с наивысшим удобством, на самые большие расстояния. Не требуется даже вмешательство местного надзирателя: с помощью ру-

говор ведется шепотом между двумя людьми, обращающимися к двум головам, установленным в противоположных концах длинной комнаты. Поэтому необходимо сделать два угла; две перпендикулярные трубки вставляются в горизонтальную.

Любопытно, как долго может пролежать идея, не получив ни одного из своих наиболее очевидных и полезных применений. Сколько веков искусство гравирования доводилось до неподражаемого совершенства на небольших камнях, и никому не приходило в голову применить его к клише или шрифтам в больших масштабах!

пора можно вызвать самого отдаленного заключенного в переднюю часть его камеры, где клиент может его не только слышать, но и видеть. Под каждым рупором висит список заключенных, к камерам которых он относится. Имена написаны на отдельных карточках, которые меняются так часто, как часто заключенный переходит из камеры в камеру. Что касается двух самых нижних этажей камер, то разговор с ними может вестись прямо из соответствующей смотровой галереи.

Надзирательская может служить общим помещением для всех, кто работает в доме. О разделении ее на мужскую и женскую части я говорил в другом месте. В мужской части заместитель управляющего, капеллан, хирург и, возможно, еще одно лицо, например директор школы, могут иметь каждый свое отдельное помещение, отделенное, однако, от остальных передвижной ширмой, не доходящей до потолка и оставляющей свободный проход как вокруг центрального отверстия, так и вокруг смотрового помоста, прикрепленного к окружающей стене.

Все служащие, мужчины и женщины, могут принимать пищу в одном помещении. Отдельное помещение для этого не нужно. После исполнения своих непосредственных обязанностей они могут проводить на этом центральном посту столько времени, сколько угодно. Не следует пренебрегать никакими средствами, способными помочь доставить их сюда или удержать их здесь. Законная власть управляющего и заместителя управляющего получит здесь поддержку, а произвол будет ограничен присутствием их сотоварищей. Управляющий и его заместитель будут стыдиться, если не бояться, отдать любой тиранический приказ в присутствии стольких свидетелей, осуждающее мнение которых, молчаливое или явно выраженное, будет обуздывать их власть, даже не будучи способным возразить и помешать ей. Монархия, сдерживаемая только публичностью и ответственностью, — это лучшая или, скорее, единственная приемлемая форма правления для такой империи.

В пенитенциарном городе мистера Говарда у каждого служащего есть свое помещение — все обособлены, и никто не видит и не слышит заключенных. Это последнее устройство может нравиться служащему больше, но какое из них лучше отвечает делу?

Отсутствие боковых окон, как и в других комнатах, делает допустимым, если не необходимым, по крайней мере обеспечение *вентиляционных отверстий*.

Опоры для окружающей галереи, как показано на граюре с планом, могут, если их сделать полыми, ответить этому намерению и избавить от необходимости специально изготавливать аппарат из труб. Но в этом случае в каждую опору нужно будет встроить под прямым углом горизонтальную трубу, которая может проходить близко и параллельно разговорным трубкам, прямо под потолком.

Воздушные трубы должны выходить в надзирательскую именно на уровне потолка, а не на уровне пола. В последнем случае в холодную погоду постоянный приток воздуха будет доставлять много хлопот. В первом же случае струя воздуха, начинающаяся выше уровня головы, направлена вверх и не вызывает раздражения. Тогда не придется жертвовать ни здоровьем, ни комфортом.

Придавая наклон потолку вышеупомянутым способом, я преследовал два удобства: вентиляция и хранение вещей. Для вентиляции, которая является главной целью, прямолинейный наклон в данном случае даже лучше не только горизонтального потолка, но и закругленного потолка или купола. И в том, и в другом случае оставалось бы непроектируемое пространство: в одном случае это пространство было бы угловым, в другом — оставалось бы некоторое пространство для застоя воздуха, хотя и уменьшенное за счет стертости угла.

Убывание высоты потолка в этой части оставляет свободное пространство, которое может быть использовано для хранения. От площади часовни пол, как и потолок под ней, должен иметь определенный наклон, чтобы священник был виден со второго этажа камер. Но высота потолка начинает убывать не у периметра *окружности*, а гораздо ближе к центру, то есть у центрального отверстия. Следовательно, после необходимого учета толщины пола и потолка по всему периметру останется пустое пространство значительной протяженности, точные размеры которого нет нужды подробно указывать. Этот уклон может быть использован для размещения ящиков или стеллажей.

Еще более удобным местом для хранения будет пространство под смотровым помостом в надзирательской. Под ним можно разместить полки или ящики, которые будут выдвигаться в окружающую галерею.

Более значительное пространство доступно за двумя верхними галереями, под лестницами галерей часовни, к которым они примыкают. Инструменты и материалы для работы, объем которых не очень велик, найдут очень удоб-

ные вместилища в этих нескольких местах, где их легко будет выдавать и получать обратно через кольцевой колодец заключенным в их камерах.

Что касается способа *обогрева* надзирательской, то он будет рассмотрен в разделе с соответствующим названием¹⁷.

17. Как совместить использование надзирательской в качестве столовой с чистотой воздуха, необходимой для приема гостей в часовне? Сделать субботний обед последним, отведя все время между ним и началом богослужения на следующий день проветриванию.